

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРАНСПОРТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 347.2/.3

Шахназарян Эдуард Флоберович,
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)

**Транспортное средство должника, находящееся
за рубежом, как имущественный интерес для взыскателя
в исполнительном производстве: реализация принципа
разумности**

Аннотация

В настоящей статье рассматривается законодательно урегулированный механизм поиска транспортного средства должника, находящегося за пределами Российской Федерации, причем, как на стадии рассмотрения дела в суде, так и после вынесения судебного решения через призму принципа разумности. Одновременно рассмотрен механизм обращения взыскания на такое имущество. Предложены варианты по совершенствованию действующего законодательства в части поиска имущества должника на территории иностранного государства и обращения взыскания на него.

Ключевые слова: транспортное средство должника; исполнительное производство; судебный пристав-исполнитель; поиск имущества; исполнение решения российского суда на территории иностранного государства.

Eduard F. Shahnazaryan,
All-Russian State University of Justice
(RPA of the Russian Ministry of Justice)

**The debtor's vehicle located abroad as a property interest
for the claimant in enforcement proceedings: implementation
of the principle of rationality**

Abstract. The current paper has considered the legally regulated mechanism for searching for a debtor's vehicle located outside the Russian Federation, both at the stage of consideration of the case in court and after a court

decision through the prism of the principle of rationality. At the same time, there has been considered the mechanism for foreclosure on such property. There have been proposed the options for improving the current legislation in terms of searching for the debtor's property on the territory of a foreign state and foreclosure on it.

Keywords: debtor's vehicle; enforcement proceedings; bailiff; property search; execution of a Russian court decision on the territory of a foreign state.

Слово «транспорт» возникло от лат. «*transportate*», что означает «передвигать, перемещать». В бытовом плане транспорт есть объект правоотношения, отличающийся своей мобильностью перемещения и имущественной ценностью. Нами сделан акцент на имущественную ценность транспортного средства не только для должника, но и для взыскателя.

Такая позиция мотивируется тем, что транспорт, будучи материальным объектом гражданского оборота, является значимым имущественным активом, а имущественная ценность некоторых из них можеткратно превышать стоимость недвижимости или иного значимого имущества. При этом мы намеренно отказались конкретизировать виды транспортных средств должника, предположительно находящихся за рубежом (наземный, водный, воздушный), поскольку имеющийся правовой инструментарий, обеспечивающий поиск такого имущества и обращение взыскание на него, применим ко всем перечисленным видам.

При наличии международного договора взыскатель может в установленном порядке заявить ходатайство о признании и разрешении принудительного исполнения решения национального суда путем обращения взыскания на находящееся за рубежом имущество должника.

Неоспорим тот факт, что недобросовестная сторона процесса, осведомленная о своей неправоте и (или) подозревающая о проигрышном положении, предпримет попытки сохранить свое имущество, всячески не заявлять его как на стадии рассмотрения дела в суде, так и после возбуждения исполнительного производства.

Как верно отмечает С. Ю. Гусаков, судебный пристав-исполнитель вправе совершать иные действия, необходимые для своевременного, полного и правильного исполнения исполнительных документов [2, стр. 8—9]. Поэтому исполнительские действия, предусмотренные ст. 64 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», позволяют установить транспортные средства должника, находящиеся у него в собственности. Одновременно с этим ч. 7 ст. 69 указанного Федерального закона предусмотрена обязанность должника представить судебному приставу-исполнителю сведения о принадлежащих должнику правах на имущество. Вместе с тем в

действующем законодательстве отсутствует адекватная и действенная санкция за непредоставление такой информации.

К слову, в некоторых зарубежных странах система принудительного исполнения отличается большей строгостью и в значительной степени воздействует не на имущество должника, а на него самого. Так, в Греции юрисдикционные органы имеют право арестовать должника в случае, если последний не указал местонахождение имущества, подлежащего взысканию, а в Германии возможна мера принудительного воздействия вплоть до лишения свободы должника [3, стр. 303]. И в этом смысле санкции в зарубежных странах призваны побудить должника исполнить те или иные действия под страхом лишения свободы.

В контексте совершенствования отечественного законодательства об исполнительном производстве видится необходимым установить не только обязанность предоставления должником судебному приставу-исполнителю сведений о правах на имущество, находящееся за рубежом, но и неимущественную санкцию за непредставление таких сведений. Консолидируя сведения об имуществе должника на территории России, а также на территории иностранного государства, у судебного пристава-исполнителя будет больше правовых механизмов исполнить требования исполнительного документа.

Так, Н. Н. Бакурова полагает, что именно меры административного принуждения в полной мере мотивируют должника исполнить юрисдикционный акт [1, стр. 58—59]. По нашему мнению, неимущественное воздействие на должника особенно побуждает его фактически исполнять свои обязанности в полной мере (временные ограничения на выезд за границу, на пользование специальным правом и т.д.).

Отметим, что транспорт не обладает установленным ст. 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации имущественным иммунитетом, на него возможно беспрепятственно обратить взыскание. В то же время существуют отдельные случаи установления иммунитета на транспортное средство. Так, Д. И. Хабибулина приводит случаи невозможности обратить взыскание на транспортное средство как на единственный источник доходов и при наличии инвалидности у должника [5].

Следует учитывать, что должник, будучи неплательщиком, может выполнять социально важные функции, необходимые государству, например, быть водителем скорой помощи, пожарной машины или осуществлять перевозку пассажиров с ограниченными возможностями.

Таким образом, транспорт в некотором смысле является актуальным, ценным и ликвидным средством в товарообороте. Также в некоторых случаях автотранспорт может служить единственным источником дохода в семье (осуществление перевозок пассажиров на нем или сдача его в аренду с целью извлечения прибыли). В связи с этим представляется

весьма актуальным предусмотреть особый порядок применения мер принудительного воздействия на должника — физическое лицо в случаях, когда приносящий доход автотранспорт является единственным источником дохода в семье.

Актуальным вопросом является поиск транспортных средств, которые зарегистрированы на должнике и находятся вне пределов юрисдикции национального права. В таких случаях заинтересованными субъектами могут быть применены нормы международного права.

Современное правовое государство должно обладать «рабочим» правовым инструментарием, позволяющим юрисдикционным органам применять меры принудительного воздействия в отношении должника не только на территории собственного государства, но и на территории иностранного.

Выявление транспортного средства должника за рубежом с целью обращения на него взыскания и погашения задолженности имеет ряд особенностей, поскольку связано с соблюдением требований конкретных международных договоров.

Так, во взаимоотношениях Российской Федерации со странами Содружества Независимых Государств действует Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 г., которая регламентирует порядок поиска имущества стороны процесса за рубежом и обращение взыскания на такое имущество в последующем. Следует акцентировать внимание на том, что Конвенция действует между Российской Федерацией и Азербайджаном, Арменией, Беларусью, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном и Узбекистаном. Между Российской Федерацией и Грузией, Молдовой и Туркменистаном действует Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г.

В частности, на стадии рассмотрения дела в суде правовой инструментарий ст. 6 Конвенции 2002 г. позволит заинтересованной стороне обратиться с ходатайством в суд о направлении запроса о международной правовой помощи с целью установления имущества стороны процесса за рубежом (если имеются основания полагать, что такое имущество у другой стороны есть).

При этом такой запрос должен быть составлен именно судом и отвечать требованиям, установленным ст. 7 и 12 Конвенции 2002 г.

Разделом III Конвенции 2002 г. регламентирован порядок признания и принудительного исполнения решения национального суда на территории государства — участника данной Конвенции.

Как видно, Конвенция 2002 г. является наиболее близкой к правовой системе Российской Федерации, поскольку все запросы о правовой помощи направляются, а ответы на них поступают на русском языке (ст. 17).

Вместе с тем международные акты с так называемыми партнерами «дальнего зарубежья» потребуют соблюдения дополнительных условий.

Так, при необходимости установления имущества стороны на территории Республики Кипр на основании Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Кипр о правовой помощи по гражданским и уголовным делам 1984 г. потребуются заверенный перевод всех направляемых документов и посредничество Минюста России (ст. 4 и 13 данного Договора). Вместе с тем при направлении запроса в то же государство на основании ст. 2 Конвенции о получении за границей доказательств по гражданским или торговым делам 1970 г. (далее — Конвенция 1970 г.) такого посредничества не потребуются, что позволит сократить сроки пересылки документов и получения необходимой информации. Однако объем правовой помощи по Конвенции 1970 г. значительно уже, чем объем правовой помощи двустороннего международного договора, в связи с этим Конвенция 1970 г. позволит получить из-за рубежа только необходимые сведения (без возможности обращения к процедуре экзекватуры).

Описанные нами подходы при поиске имущества должника за рубежом и возможности обращения на него взыскания применимы во всех случаях, когда между Российской Федерацией и иностранным государством подписан международный договор. Подробный перечень имеющихся у Российской Федерации с зарубежными партнерами договоренностей по гражданским (арбитражным), семейным и уголовным делам размещен на официальном сайте Минюста России [URL: <https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/946/>].

Однако отсутствие такого договора не лишает заинтересованную сторону направить запрос в иностранное государство на основании международного принципа вежливости. Согласимся с мнением А. В. Нестеровой, что обращение к принципам вежливости и взаимности в международном плане дает возможность решить спор там, где нормативное правовое регулирование ограничено или отсутствует [4, стр. 48—49].

Направление международных запросов об установлении имущества за рубежом является длительной процедурой в силу объективных причин (составление запроса, пересылка документов, в том числе через дипломатические каналы и т.д.). Однако в контексте цифровизации государственных систем и услуг представляется необходимым предусмотреть оперативный информационный обмен между компетентными органами иностранных государств в случаях, когда между этими государствами уже имеются международные договоры о правовой помощи.

Вышеуказанное позволит в большей степени реализовать задачи исполнительного производства по полному и своевременному исполнению судебных актов, актов других органов и должностных лиц.

В заключение исследования, отметим, что при законодательном совершенствовании правовых механизмов, направленных на ограничение неимущественных прав должника, необходимо исходить из следующего. Ограничение должно быть законным, не противоречащим конституционным началам, разумным, основанным на последовательности и рациональности действий судебного пристава-исполнителя и справедливым, учитывающим объективные факторы дела как в отношении должника, так и в отношении взыскателя. В противном случае мы рискуем ограничить одну из сторон (или обе стороны) исполнительного производства в их конституционных правах (право на свободу и личную неприкосновенность, право на частную собственность, право на предпринимательскую деятельность и т.д.).

Литература

1. Бакурова, Н. Н. Административное принуждение в исполнительном производстве / Н. Н. Бакурова // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2021. — № 6 (82). — С. 56—62.
2. Гусаков, С. Ю. Обзор позиций Верховного Суда РФ по вопросам исполнительного производства (июнь 2017 — февраль 2018 г.) / С. Ю. Гусаков // Практика исполнительного производства. — 2018. — № 1. — С. 7—12.
3. Коновалова, Л. Г. Проблемы правового статуса судебных приставов-исполнителей в Российской Федерации / Л. Г. Коновалова // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства при Президенте Российской Федерации. — 2016. — № 12-13. — С. 299—308.
4. Нестерова, А. В. Принцип взаимности в международном сотрудничестве по делам об административных правонарушениях / А. В. Нестерова // ВВ: Административное право и практика администрирования. — 2021. — № 1. — С. 48—58.
5. Хабибулина, Д. И. Имущественные иммунитеты в исполнительном производстве / Д. И. Хабибулина // Вестник исполнительного производства. — 2022. — № 4 // СПС КонсультантПлюс.

References

1. Bakurova, N. N. Administrativnoye prinuzhdeniye v ispolnitel'nom proizvodstve / N. N. Bakurova [Administrative coercion in enforcement proceedings] // Vestnik Universiteta imeni O. Ye. Kutafina. — 2021. — № 6 (82). — S. 56—62.
2. Gusakov, S. YU. Obzor pozitsiy Verkhovnogo Suda RF po voprosam ispolnitel'nogo proizvodstva (iyun' 2017 — fevral' 2018 g.) [Review of the positions of the Supreme Court of the Russian Federation on issues of enforcement proceedings (June 2017 - February 2018)] / S. YU. Gusakov // Praktika ispolnitel'nogo proizvodstva. — 2018. — № 1. — S. 7—12.
3. Konovalova, L. G. Problemy pravovogo statusa sudebnykh pristavov-ispolniteley v Rossiyskoy Federatsii [Problems of the legal status of bailiffs in the Russian Federation] / L. G. Konovalova // Uchenyye zapiski Altayskogo filiala Rossiyskoy akademii narodnogo khozyaystva pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii. — 2016. — № 12-13. — S. 299—308.
4. Nesterova, A. V. Printsip vzaimnosti v mezhdunarodnom sotrudnichestve po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh [The principle of reciprocity in

- international cooperation in cases of administrative offenses] / A. V. Nesterova // NB: Administrativnoye pravo i praktika administrirovaniya. — 2021. — № 1. S. 48—58.
5. Khabibulina, D. I. Imushchestvennyye immunitety v ispolnitel'nom proizvodstve [Property immunities in enforcement proceedings] / D. I. Khabibulina // Vestnik ispolnitel'nogo proizvodstva. — 2022. — № 4 // SPS Konsul'tantPlyus.